

Об авторе

Священник вологодского храма Святителя Николая во Владычной слободе Николай Толстиков родился в 1958 году в городе Кадникове. После службы в армии работал в районной газете. Учился в Вологодском православном духовном училище. Окончил Литературный институт имени Горького и Свято-Тихоновский православный гуманитарный университет. В конце девяностых годов был рукоположен в диакона, в 2014 году – в иерея. Рассказы и повести отца Николая публиковались в различных газетах и журналах России, Канады, США, Австрии, Дании. Лауреат международных литературных фестивалей. Член Союза писателей России, автор трех книг прозы, вышедших в Москве. Представляем читателям «Благовестника» прозаические миниатюры вологодского священника.

Иерей Николай ТОЛСТИКОВ

ПРИХОДИНКИ

Накануне референдума

Наш алтарник Вася, про таких говорят — взрослый паренек, прибрел на воскресную службу заспанный, вялый, тетеря тетерей. То ли за ночь не выспался, то ли кто-то ему в том помешал. Только за что ни возьмется Вася, все из рук у него валится. На службе кадило не вовремя батюшке подаст; все в алтаре в требуемый уставом момент делают земной поклон перед Святыми Дарами, а Вася, задумавшись о чем-то своем, стоит столбом, ушами только не хлопая. К концу службы вдобавок и горящие угли из кадила по полу рассыпал.

— Все, Василий, хватит! — укоряет его настоятель. — Иди-ка и отбей сто земных поклонов посреди храма перед аналоем! Может, проснешься... Через руки-ноги и спину быстрей получится!

Вася честно и истово бьет перед аналоем поклоны. Тут как тут сердобольные бабульки-прихожанки, его окружают, жалеючи вопрошают: «Что ж ты так, Васенька?!

Вася, отбив последний поклон, кряхтя и обливаясь потом, находчиво-бодро отвечает:

— Я за Крым молюсь! Чтоб там все хорошо было!

Патриот.

Смиренный человек

Смотритель при храме — должность, в общем-то, женская. Дел и делишек всяких — уйма! Надо подсвечники после службы протереть, воду для крещенской купели нагреть и принести, за порядком в храме следить. Хоть за чистотой, хоть за лихими людышками, норовящими что-нибудь спереть.

Времена менялись... Храм наш стоял возле городского рынка и, бывало, подвергался набегам разных чудаков. Один прямо на середине вытряхнул полный ящик румяных

яблок, видать, для пущей своей торговли. Другой чудачина бутылки с пивом по деревянному полу с грохотом кататься запустил, не иначе от алкоголизма надеясь отшатнуться. Третий — произносящего на солее ектению диакона по плечу хлопнул и пьяно поинтересовался: «А в ухо хошь?!» Но диакон был не робкого десятка и с достоинством ответствовал: «Отдачей не замучаешься?»

Бузотёра незамедлительно и ловко «упаковал» наш новый смотритель Ваня, вытащил проветриться на улицу...

Ваня, крепкий мужичок за пятьдесят, приился к храму на радость прочим бабушкам-смотрительницам, поселился бобылем в сторожке. Обходительный и вежливый с коллегами, он не чурался всякой работенки — только седая его голова то тут, то там в храме мелькала. Лихоимцам с улицы надежный заслон был поставлен. Одного даже Ваня поймал с поличным — вывернулся из-под полы сворованную икону. Отгрел «эксприатора» несильно по загривку и вытолкнул восьмоязи.

Допытывались у Вани — чей он да откуда? Только молчал упорно в ответ смотритель, лишь хмыкал в лохматые свои усы.

— Вот смиренный какой человек... — шамкали старушонки.

Тайна разрешилась в День Победы.

Ваня пришел на службу в парадной офицерской форме с орденами и медалями на груди. Прихожане взирали на сие «явление» с раскрытыми ртами, кто-то из старушонок робко поинтересовался:

— Где ты, Ваня, успел повоевать? Вроде еще и не старай...

Ваня, как всегда, немногословен:

— В Афгане. Дворец Амина брал.

После праздника Ваня вдруг пропал, никто из наших прихожан не повстречал его больше. Уехал, видно, куда-то. Туда, где его не знают.

Жертва

Отец Василий из протоиереев прежних, жизнью вдоволь терптых, в советскую пору уполномоченными по делам религий вдосталь «обласканный», насмешек от атеистов разных мастей в свое время натерпевшийся...

В ельцинскую эпоху народ валом повалил в восстановляемые храмы. Стоят такие люди на службе, переминаются с ноги на ногу, плятятся по сторонам недоумевающие, не ведая, что надо делать.

Отец Василий и вразумляет таких с амвона:

— Не умеете молиться — кладите деньги! Всё посильная жертва ваша Господу будет...

Деловое предложение

Одолели бомжи. С холодами порядочной компанией обосновались в притворе храма, хватают за рукава прихожан, «трясут» милостыню. Настоятель, бедный, не знает, как отбиться от них: иной здоровенный дядя, одетый в шмотки с чужого плеча куда как «круче» многодетного молодого батюшки, гнусавит протяжно, заступая дорогу:

— Я кушать хочу! Дай!..

Выручает казначай — тетка бывалая, терпкая жизнью. Храм, хоть и в центре города, но верующим возвращен недавно, обустраиваться в нем только-только начали. Чтобы не застынуть в мороз, поставили печки-времянки, привезли и свалили на улице возле стены храма вон дров.

Казначея и обращается к бомжам с деловым предложением:

— Берите рукавицы, топоры, и — дрова колоть! Всех потом накормим!.. Ну, кто первый, самый смелый? Ты?

Бомж в ответ мнется, бормочет себе под нос: «Да я работать-то и отвык...» И — бочком, бочком — на улицу!

Следом — остальные. Как ветром всех сдуло!

Советское воспитание

Из трапезной храма подкармливают бомжей. Повариха выносит им на улицу кастрюлю с супом.

Минута — суп прогложен. С пустой посудиной в руках стучится в двери пьянейшая пожилая бомжиха, говорит деловито:

— Второе, пожалуйста!.. И десерт!

Святой

В разгар грозы молния ударила прямо в купол колокольни стоявшей на бугре на отшибе от городка церкви. Вспыхнуло гигантской свечой, даром что и дождь еще не затих.

Пусть и времечко было советское, атеистическое, храм действующий, но народ тушить пожар бросился дружно.

Потом батюшка одарил особо отличившихся мужиков полновесными червонцами с ленинским профилем.

Мужики бригадой двинулись в «казенку», событие такое отпраздновали на полную катушку. Потом постепенно, по прошествии лет, все бы и забылось, кабы не опоек Коля — в чем только душа держится. Всякий раз,

торча в пивнушке на своих, колесом, ногах за столиком, он вспоминал геройский подвиг. И втолковывая «молодяжке», что если бы не он, то бы хана делу, «сгорела бы точно церква!», блаженно закатив глаза, крестился заскорузлой щепотью:

— Теперь я святой!..

Так и прозвали его — Коля Святой.

Бессребренник

Триня и Костюня — пожилые тюремные сидельцы и не по одному сроку за их плечами: то кого побили, то чего украли. И тут долго на волюшке ходить, видать, опять не собрались: подзудил их лукавый в ближней деревне церковь «подломить».

Двинулись на дело глухой ночью, здоровенным колом приперли дверь избушки, где дрых старик-сторож, оконце махонькое — не выскочит. Прилагая все нажитые воровские навыки, выворотили четыре стальных замка на воротах храма.

Побродили в гулкой темноте, пошарились с фонариком. В ценностях икон ни тот, ни другой не петрили и потому их и трогать не стали. Наткнулись на деревянную кассу для пожертвований, раскокали, но и горсти мелочи там не набралось.

— Тю! — присвистнул радостно Триня. — Бросай эту мелочевку, тут в углу целый ящик кагора!..

На задах чьего-то подворья, в сараюшке устроили налетчики пир. Тут их тепленькими и взяли. Когда их взяли, возмущались они, едва шевеля онемевшими языками:

— Мы чё?! Ничё не сперли, верим так как. Кагор и тот выпить не успели.

Власть без пола

В самом древнем соборе в городе власти разрешили отслужить Пасхальную вечерню. Собор — музей, в гулком его нутре холодно, сыро. За толстыми стенами вовсю бушует весна, а здесь впору в зимнюю одежду упаковываться.

В алтаре священнослужители терпеливо ждут архиепея, разглядывают старинные фрески на стенах.

Вдруг в алтарь бесцеремонно влетает немолодая дама, затянутая в джинсовый костюм с блестящими заклепками, на голове — взлохмаченная кудель рыжих крашеных волос.

— Вы куда? Женщинам же сюда нельзя! — с тихим ужасом восклицает кто-то из молодых батюшек.

— Я не женщина! — нисколько не смущаясь, ответствует «джинсовая» дама. — Я главный инженер!

И неторопливо бродит по алтарю, смотрит на датчики на стенах, фиксирующие процент влажности, записывает что-то в блокнотик.

Сделала свое дело и — как ни «здравьте», так и ни «до свидания»!

Все оторопели.

Немая сцена...

Портфельчик

Семейство причащается Святых Христовых Таин. Две девочки постарше уступают первенство младшей сестре. А та извивается ужом на руках у худощавого папы, мотает головой туда-сюда, плотно сжимая губы – ложечкой с Причастием не попадешь.

— Да поставьте дочку на ноги в конце концов! – говорит батюшка папаше. — Не младенец она у вас!

Девчонка уже не угрюмо и испуганно, а с некоторым настороженным интересом смотрит на батюшку снизу вверх. К спине непослушной рабы Божией, словно блин, прилепился крохотный игрушечный портфельчик.

— О, сегодня знаменательный день! – нашелся священник. – Причащаются все, кто с портфельчиками!

И надо же – девчонка сразу свой рот нараспашку, как галлонок!

Подумалось: а что если бы не только дети, но и взрослые дяди и тети с портфелями причащались почаще! Может, тогда и жили бы все в России лучше...

Дань моде

Молодой священник отец Сергий пришел в храм сам не свой.

— Пригласили меня освящать «новорусский» особняк... Час уж перед обедом. В вестибюле юная дамочка встречает. В одной прозрачной «ночнушке», коротенькой, по самое «не могу». Этак, спросонок, щебечет: «Вы работайте, работайте! Если я вам мешаю, то на балкончике пока покурю».

Освятил особняк отец Сергий, водичкой везде в комнатах покропил, от прелестей дамочки-хозяюшки стыдливо глаза отводит.

— Понимаете хоть – зачем вам это освящение жилища? – спрашивает.

— Так модно же! – удивленно округляются глазки с размазанной косметикой. – Чем я хуже других?! А вы получили за свою работу, так молчите!

Что лучше?

Отец Сергий, старенький священник, на полиелее произнеся в алтаре ектению, выходит в проем Царских врат на солею и с торжественно-подчеркнутой неторопливостью кланяется настоятелю, помазующему елеем чела прихожанам на середине храма.

— Отец Сергий, зачем же вы так делаете? Ведь настоятель – не архиерей!

— Лучше перекланяться, чем недокланяться! – ответствует мудрый священник.

Супостаточки

Пенсионерка, преподаватель педагогического вуза, то ли из солидарности с кем-то, то ли из простого любопытства зашла однажды в храм.

Поозиралась по сторонам и вдруг видит: напротив иконы стоит давняя однокурсница и крестится. В студенческой молодости дамы, без сомнения, соперничали меж собой, а может, и черная кошка когда-нибудь между ними прошмыгнула.

Первая, не успев еще толком поздороваться, тут же поспешила уколоть другую:

— Крешишься, молишься вот... А помнишь, что у тебя в институте была твердая пятерка по научному атеизму?

— Так я покаялась... — был ответ. ♡♦

▲ Всё в обители доставляет душе истинное наслаждение

Об авторе

Светлана Владимировна Дурягина живет в Чагоде. Окончила филологический факультет Вологодского педагогического института. Стихи пишет с детства, уже в зрелом возрасте обратилась к прозе. В 2000 году организовала в Чагоде районное литературное объединение «Полевые цветы», выпустила семь коллективных сборников стихов и прозы участников чагодощенского сообщества литераторов. Повесть Светланы Дурягиной о преподобном Евфросине Синозерском «Синозерский пустынник» выпущена Воскресенским архиерейским подворьем в Череповце, была отмечена на областном конкурсе публикаций на православную тему.

Очерк Светланы Владимировны о паломничестве в Оптину Пустынь написан после первой поездки в благословенный монастырь Калужской земли. Читатель не найдет в очерке подробных сведений о прославленной обители, об Оптинских святых – это сегодня можно узнать без труда в различных источниках. Светлана Дурягина ярко передаёт живые, непосредственные впечатления человека, только-только еще входящего в бескрайний мир православия. Автору веришь, и потому переживаешь вместе с ним, восторгаешься и удивляешься, ужасаешься и любуешься, понимая: драгоценная Оптина – подарок Божий нам всем, нерадивым и грешным. Незаслуженный подарок, который в очередной раз показывает, как велика милость Божия – и как неотступна Его надежда на то, что мы всё-таки выберем путь, отводящий от греха и ведущий к спасению души.